

DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

УДК 316.346.32-053.9, ББК 60.542.18

© Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О.

Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения

**Ирина Андреевна
ГРИГОРЬЕВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191024, Смольный проезд, д. 1/3
E-mail: soc28@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8348-2954; ResearcherID: N-2772-2013

**Юлия Викторовна
УХАНОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ukhanova4@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

**Елена Олеговна
СМОЛЕВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: riolenas@ramber.ru
ORCID: 0000-0002-6452-1441; ResearcherID: I-8343-2016

Для цитирования: Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

For citation: Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8

Аннотация. В статье изложена точка зрения авторов на состояние современной социальной политики в России, формирующейся под влиянием процессов старения населения. Актуальность исследования связана с неизбежными изменениями демографической ситуации и возрастанием роли пожилых в социально-экономической жизни. Целью работы является изучение особенностей социальной политики в России в контексте старения населения. Новизна работы заключается в осмыслении возможностей социальной группы «пожилые» как ресурса общества. Основными методами стали анализ нормативно-правовых актов различного уровня, статистических и демографических данных, результатов социологических опросов ВолНЦ РАН, контент-анализ материалов вебсайтов. Исследование проводилось как на общероссийском уровне, так и на региональном (на примере Вологодской области). Выявлены тенденции переориентации социальной политики в России в сторону более широкой трактовки старения и применения концепции активного долголетия. Однако значения индексов активного долголетия для РФ по сравнению с европейскими странами низкие. По данным социологических опросов, пожилое население региона, к которому отнесены граждане старше 60 лет, характеризуется сохранением ценностей активной, деятельной жизни, а состояние здоровья не является для многих сегодняшних пенсионеров препятствием для продолжения трудовой деятельности. Показано развитие взаимодействия между государством, гражданским обществом и гражданами в современной социальной политике. Установлена территориальная неравномерность развития сектора деятельности НКО, нацеленного на решение социальных проблем граждан старшего возраста. Представлены авторские предложения по обновлению социальной политики в стране в условиях старения населения.

Ключевые слова: старение, активное долголетие, занятость, социальное обслуживание пожилых, межсекторное взаимодействие.

Введение

В последние десятилетия в России в условиях глубоких социально-экономических, политических и идеологических трансформаций актуализируются вопросы совершенствования управления социальными процессами. В этой связи возникает необходимость переосмысления существующей социальной политики. По мнению исследователей, одним из приоритетных направлений её развития в российском обществе является переход от социально-демократической модели, для которой характерны развитая система социальных услуг и служб для различных групп населения, к либерализации социальной сферы с попытками внедрения адресной формы поддержки малообеспеченных.

В рамках интегрального подхода под «социальной политикой» понимается взаимодействие государства, бизнеса и гражданского общества по согласованию интересов различных социальных групп и регионов для достижения социального мира [1]. Другие авторы также подчеркивают деятельность различных общественных институтов в сфере здравоохранения,

образования, социального обеспечения и защиты по согласованию интересов различных социальных групп при распределении ресурсов [2, 3, 4]. Таким образом, во-первых, социальную политику необходимо рассматривать сквозь призму разрешения противоречий как между социальными интересами общества в целом, так и его отдельными группами и разными регионами. Во-вторых, акторами современной социальной политики выступают не только государство, но и бизнес и структуры гражданского общества. Следует заключить, что идет переход от советской, патерналистской, монополюльно-государственной модели к трехсекторной (государство, бизнес и гражданское общество), предложенной когда-то В. Корпи и развитой в популярной книге Г. Эспин-Андерсена [5].

Взаимодействие перечисленных акторов рассматривается в контексте «межсекторного социального партнерства» как конструктивного сотрудничества при решении социальных проблем двух или трех секторов (государство, бизнес, общественный сектор – НКО), выгод-

ного населению территорий и каждой из сторон в связи с объединением ресурсов [6, 7]. Стронники различных теоретических концептов («общественно-государственного партнерства» [8], «непрямого государственного управления» [9], «сопроизводства» [10]) приходят к единому мнению, что участие общества в качестве партнера государства в создании социальных благ и услуг привлекает для реализации социальной политики дополнительные ресурсы и одновременно дает возможность населению для самореализации. Однако следует признать, что на практике государству и общественным институтам (а именно НКО) зачастую не хватает взаимного доверия, готовности к системному сотрудничеству. Монополия на ресурсы создает неравную конкуренцию между государственными/муниципальными учреждениями и некоммерческими организациями при производстве социальных услуг за счет бюджетных средств.

Целью работы является изучение общих особенностей социальной политики в России в контексте старения населения. При этом на данном этапе исследование ограничивается рассмотрением двух важнейших акторов в обозначенной сфере — государства и структур гражданского общества.

Методология исследования

В изучении социальной политики (social policy study) неизбежно присутствует межстрановое и внутристрановое межрегиональное сравнение как основной метод анализа. Мы используем сравнительно-правовой и другие варианты сравнительного подхода, поскольку эмпирическая основа исследования включает как вторичный анализ демографических и социологических данных из различных источников, так и результаты исследования, непосредственно проведенного в Вологодской области.

Информационная база исследования — нормативно-правовые акты различного уровня, статистические данные Федеральной службы государственной статистики, материалы веб-сайта Фонда президентских грантов, а также аккаунтов некоммерческих организаций в социальных сетях. Важным источником информации послужили результаты социологических опросов Вологодского научного центра РАН (далее ВолНЦ РАН). Репрезентативность получаемой социологической информации обе-

спечивается использованием модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения. Ошибка выборки не превышает 3%. Метод измерения: анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности: 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS.

Старение: теории, факты, прогнозы

В понятие «старение населения» исследователями чаще всего вкладывается демографический смысл: увеличение численности пожилого населения [11], сдвиг возрастной структуры к старшим возрастам [12], а также повышение среднего и медианного возрастов [13, 14].

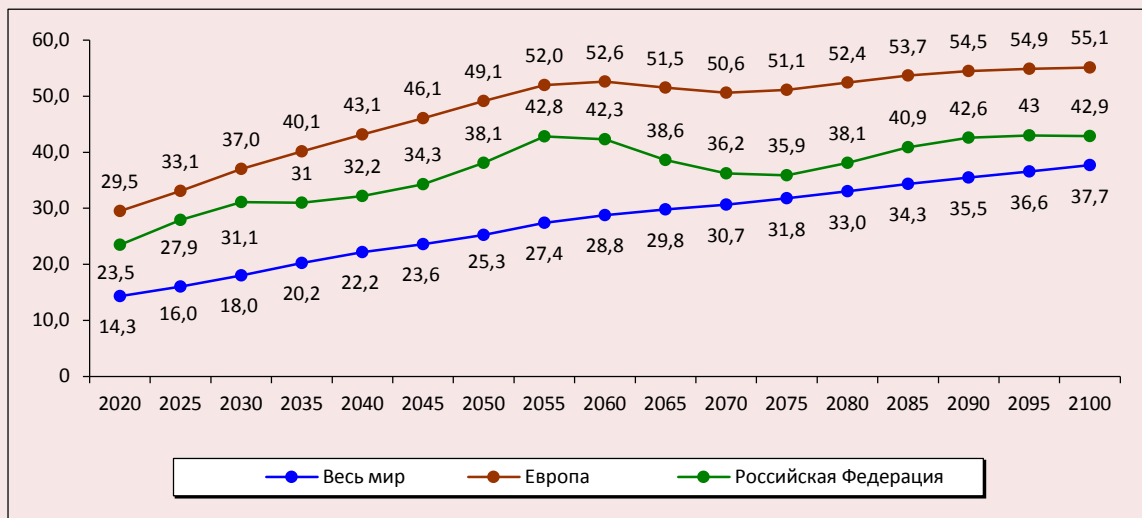
Как уже отмечалось, фундаментальной причиной старения населения является взаимодействие двух вековых трендов — возрастающей продолжительности жизни (вследствие снижающейся смертности) и падающей рождаемости. Вклад снижающейся рождаемости и снижающейся смертности в процесс старения населения не одинаков, как не одинаковы и возможности компенсации негативных эффектов, которые они могут породить.

За 50 лет (с 1950 по 2000 г.) численность пожилого населения в мире увеличилась практически втрое (с 205 до 600 млн. чел.). Если взгляды на границы пожилого возраста не изменятся, то за следующие 50 лет она вновь утроится и составит к 2050 г. 2 млрд. человек. Медианный возраст населения мира в середине прошлого века не достигал 24 лет, в 2020 г. он составит 31 год, к 2050 г. поднимется до 36, а к концу века (2100 г.) — до 42 лет. В 1950 г. медианный возраст для населения России практически совпадал с общемировыми данными — 24,3 года. Однако по демографическим прогнозам процессы старения в стране пойдут более быстрыми темпами: медианный возраст изменится от 40 лет в 2020 г. до 42 к 2050 году; в 2100 году он составит 44,5 года¹.

Прогноз изменения коэффициента зависимости от старости (отношение численности населения в возрасте 65+ к численности населения в возрасте 15–64) для России хотя и более благоприятен с точки зрения темпов старения,

¹ Данные World Population Prospects за 2019 год. Мы использовали данные среднего сценария демографического прогноза ООН. URL: <https://population.un.org/wpp/>

Рис. 1. Прогноз изменения коэффициента зависимости от старости (возраст 65+ / возраст 15–64)

Источник: [World Population Prospects, 2019], средний вариант прогноза.

чем для Европы, но в то же время опережает общемировые темпы (рис. 1).

Однако неправильно было бы ограничивать рассмотрение старения населения рамками статистических данных и демографическим подходом. Ведь, как будет показано далее, сдвиг институциональных границ пожилого возраста может изменить демографическую картину, созданную при помощи коэффициентов зависимости/поддержки. В современной статистике граница между детством и взрослостью варьируется, составляя или 15, или 20 лет, а граница между зрелостью и старостью – 60 или 65 лет.

Приоритетное значение имеют возрастные рамки, установленные пенсионным законодательством каждой страны. Данные российских социологических исследований обозначали границы пожилого возраста в соответствии с пенсионным законодательством: 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. В то же время реализация концепции активного долголетия может подвинуть возрастные границы старости и за пределы 65 лет. С этим мнением согласны и медики, и экономисты: шкалы, разработанные в 1950-х годах для интерпретации коэффициента старения населения (наиболее распространенные – шкала Ж. Боже-Гарнье–Э. Россета и шкала ООН), требуют ревизии. Проведенные В.А. Черешневым, Е.В. Чистовой по авторской

методике расчеты демографического старения населения России в региональном разрезе с учетом уровня, глубины, факторов и скорости старения показали, что лишь 60% субъектов Российской Федерации имеют старое и глубоко старое население [12, с. 2208–2210]. Если проводить региональные замеры по шкале ООН, то население в 93% субъектов относится к старому.

Чтобы понять границы возраста реальной старости, необходимо объединить сведения о биологическом, психологическом и социальном аспектах процесса старения. Мы подробно рассмотрим социологические теории старения, дополнив их данными психологических и экономических концепций.

Первую группу теорий объединяет отношение к старению как к процессам разобщения и отчуждения. По мнению сторонников теории социального освобождения (от англ. disengagement), процесс старения характеризуется разрывом между личностью и обществом, ухудшением качества социальных связей, которое происходит по причине уменьшения биологических и психологических ресурсов человека. Отчуждение происходит на качественном уровне путем принудительного выхода на пенсию, снижения социальной активности, смерти ровесников, сепарации детей и т. п., и этот процесс неизбежен [15, с. 211]. Поэтому к старе-

нию (читай — отчуждению) должен готовиться и сам человек, и общество, чтобы его функционирование сохраняло стабильность. Поддерживают данный подход и психологические концепции старения, в которых стадия жизненного пути, связанная с пожилым возрастом, характеризуется утратой жизненно важных целей, препровождением времени (теория интенциональности Ш. Бюлер), стремлением к уединению, переживанием потерь, сокращением жизненного пространства, интегративной оценкой всей прожитой жизни (эпигенетическая теория Э. Эриксона). Данный подход подвергался критике за формирование политики безразличия к проблемам пожилых людей, так как человека, стремящегося к уединению, нет необходимости интегрировать обратно в общество.

Стремлением отделить пожилых людей от остального общества также отличаются концепции маргинальности и субкультуры старости, возрастной стратификации. По мнению сторонников данных теорий, старые люди пассивны, маргинальны, социально и психологически зависимы, а развитие сети социальных услуг, предоставляемых престарелым, усиливает тенденцию к формированию из них субкультурных групп [16]. Поэтому социальное государство должно разрабатывать специальные программы для оказания поддержки и заполнения досуга старых людей, тем самым поддерживая чувства неуверенности и неполноценности. Действия общества и государства в отношении престарелых носят негативно-превентивный характер: профилактика болезней, смягчение изоляции и т.п.

Вторая группа теорий отталкивается от необходимости и возможностей сохранения в пожилом возрасте активной жизненной позиции и значимой для общества социальной роли, ответственности за собственную личность, физическое и психическое здоровье. Считается, что социальная активность пожилых людей замедляет процесс старения и улучшает качество жизни [17; 18]. Однако сторонники этой теории допускали высказывания, свидетельствующие о действии стратификационных и отчуждающих процессов в отношении пожилых людей: «необходимость интеграции в общество», «не поддаваться возрастным стереотипам». Тем самым косвенно подтверждалось, что социальная активность в старости скорее исключение, чем

правило. Соответственно социальная политика уже будет иметь вектор создания возможностей для проявления активности пожилого человека в жизни общества. Насколько концепция активной и успешной старости реализуется сегодня в российском обществе, нам еще предстоит исследовать.

Третье направление в теоретической геронтологии представлено концепцией непрерывности нормального старения, которая гласит, что пожилые люди обычно будут поддерживать ту же активность, поведение, отношения, что и в ранние годы жизни, адаптируя стратегии, связанные с их прошлым опытом [19].

Отдельная группа концепций старения затрагивает проблемы распределения ресурсов и социальных услуг [14]. У пожилых людей ограничен доступ к большинству социальных ресурсов, особенно если они имеют невысокие доходы. С точки зрения экономических подходов к проблеме старения, как отмечает Р. Капелюшников, внимание исследователей сосредоточено в основном на узкопрагматических аспектах этого процесса (повышение пенсионного возраста, дефицит средств ПФР и т. п.). Вместе с тем применяемые в анализе коэффициенты демографической зависимости (или поддержки), измеряющие величину экономического бремени, налагаемого на работающую часть населения, не являются действительным отражением данных процессов. В поле зрения ученых должны попадать коэффициенты не только демографической, но и экономической зависимости [14, с. 53]. Тем более что пожилое население становится и более многочисленным, и заметно более здоровым: люди начинают сталкиваться с серьезными заболеваниями, во-первых, позже и, во-вторых, с меньшим их числом [20], тем самым дольше сохраняя социальную и в том числе трудовую активность.

Важно подчеркнуть, что общество нуждается в подтверждении того, что старение не риск и не кризис, а гуманитарная победа. А пессимизм в отношении собственного старения и занятости скорее всего укорачивает жизнь [21].

Социальная политика и активное долголетие

Концептуальным документом в России, определяющим обновление философии и практики ухода за пожилыми и помощи им, следует назвать «Стратегию действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федера-

ции до 2025 года»². Пожилые названы в Стратегии «старшим поколением», без привычных рассуждений об их нужде и слабости; увеличена возрастная граница начала «старшего возраста», который согласно документу начинается с 60 лет как для женщин, так и для мужчин (в соответствии с начавшейся Пенсионной реформой эта граница отодвинется к 2028 году для мужчин до 65 лет)³.

Тем самым в стратегических целях предусмотрено уменьшение возрастной и устранение гендерной дискриминации, что, однако, не характерно для последующих документов. Свое продолжение тема старшего поколения получила в Указе Президента России «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»⁴ и, как следствие, в Национальном проекте «Демография»⁵. Две из девяти поставленных Указом №204 национальных целей развития на период до 2024 г. в той или иной степени касаются качества жизни старшего поколения: (1) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); (2) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции.

Кроме национальных целей развития, обозначенных в данном Указе Президента, важно отметить ряд целевых показателей второго уровня, зафиксированных в национальном проекте «Демография» и прямо характеризую-

щих динамику потенциала активного долголетия: (1) увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) до 67 лет; (2) снижение смертности населения старше трудоспособного возраста до 361 чел. на 10 тыс. чел. населения соответствующего возраста; (3) повышение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 55,0%.

Вместе с тем остается неочевидным, что данные показатели могут быть достигнуты, поскольку и ожидаемая продолжительность здоровой жизни, и снижение смертности — это высокоинерционные процессы. В условиях нестабильности в сфере занятости населения, низкой зарплаты и низкой пенсии, а также неэффективной медицины ожидать улучшения данных показателей утопично, хотя официальный курс российского правительства нацелен на выявление дополнительных возможностей для активной и полноценной жизни после выхода на пенсию.

Происходит переориентация социальной политики в сторону более широкой трактовки старения и комплексной оценки его возможных последствий, заложенных в концепции активного долголетия (active ageing). Согласно определению Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) «активное долголетие» — это оптимизация возможностей в области здоровья, социального участия в жизни общества и безопасности для улучшения качества жизни людей в процессе старения⁶. Активное долголетие подразумевает более полное использование потенциала пожилых людей, особенно квалификационного (трудового) и потенциала социального участия.

В мировой исследовательской практике одним из инструментов выявления проблем старения выступает индекс активного долголетия (ИАД), с помощью которого измеряется неиспользованный потенциал пожилых людей для активного и здорового долголетия по странам [22]. Выявлено, что в 2010–2012 гг. Россия занимала 18-е место из 28 стран ЕС (плюс Россия) в рейтинге по значению ИАД, т.е. находилась в его середине, опережая большинство восточноевропейских стран и отдельные страны Южной

² Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 05.02.2016 № 164-р; О плане мероприятий на 2016–2020 годы по реализации первого этапа Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 05.11.2016 № 2539-р.

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий: федеральный закон от 03.10.2018 № 350-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 01.07.2019).

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>. (дата обращения: 01.07.2019).

⁵ Национальный проект «Демография». Паспорт. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 01.07.2019).

⁶ Active Ageing: A Policy Framework. WHO, 2002. URL: http://www.who.int/ageing/active_ageing/en/

Европы. С 2014 г. Россия находится в последней пятерке данного рейтинга. При сравнении показателя ИАД для России и стран ЕС исследователи делают вывод, что одной из ключевых проблем активного долголетия в России являются низкая продолжительность жизни и плохое состояние здоровья, в том числе психологического. Кроме того, к негативным сторонам активного долголетия в России относят низкую общественную активность и слабые социальные связи [23].

В целом следует отметить, что снижение значения ИАД в России говорит об ухудшении реализации потенциала для активного долголетия пожилых людей, что свидетельствует о необходимости применения новых инструментов социальной политики. Вместе с тем активное долголетие предполагает не только развитие социальной политики, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных планов.

В этой связи интерес представляет рассмотрение ценностей, которые имеют наибольшую значимость для старшего населения.

Как показывают данные социологических измерений ВолНЦ РАН, в пожилом возрасте сохраняются основные ценности, а именно здо-

ровье, благополучие семьи, высокое материальное положение, любовь, личное благополучие. Однако первые две категории имеют ценность для значительно большего числа людей независимо от возраста, хотя ценность здоровья с возрастом увеличивается (на 12 пп. по сравнению с общей выборкой; табл. 1). В старших пожилых группах снижается ценность семейного благополучия и высокого материального положения, но возрастает значение в жизни духовности (на 5 пп. по сравнению с общей выборкой).

Следует подчеркнуть, что для людей предпенсионного и пенсионного возраста активная, деятельная жизнь занимает среди значимых ценностей достаточно высокое место в рейтинге (не ниже, чем для всего населения региона). При этом ценность «служения людям» весьма низка как у пожилых, так и у населения в целом, т.е. активная жизнь направлена на индивидуальные и, возможно, семейные цели и ценности, а не на социальное служение.

Запросы граждан в отношении государства постоянно растут. Это связано как с риторикой самого российского социального государства, так и с информационной открытостью современной России. В этой ситуации население и социальные службы упражняются в изобре-

Таблица 1. Ценности населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Показатели	50–59 лет		Старше 60		Население Вологодской области	
	%	рейтинг	%	рейтинг	%	рейтинг
Здоровье (физическое и психическое)	75	1	76	1	63	1
Благополучие семьи	68	2	58	2	62	2
Высокое материальное положение	31	3	25	4	35	3
Любовь	22	5	23	5	34	4
Личное благополучие	24	4	26	3	29	5
Наличие хороших и верных друзей	11	7–8	18	6	16	6
Активная, деятельная жизнь (интересная и творческая работа, эмоциональная насыщенность жизни)	15	6	15	7	12	7
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	11	7–8	8	9	9	8
Духовность	10	9–10	13	8	8	9–10
Высокий общественный статус	7	11	6	11–12	8	9–10
Понимание со стороны окружающих	10	9–10	7	10	7	11
Самостоятельность, независимость в суждениях и поступках	6	12	6	11–12	6	12
Приятное и необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей	3	13	5	13	3	13
Безвозмездное служение людям	1	14	2	14	1	14

Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.

нии позитивно-дискриминирующих характеристик, дающих определенные права и снимающих вопросы о взаимных обязательствах или ответственности граждан любого социального статуса за самих себя.

Но все большую роль в организации жизни общества может играть человек-институт, т.е. незаурядная и масштабная личность с собственным взглядом на мир и экономически относительно независимая от государства. Однако российская социальная политика, преемница советской, не учитывает сложившиеся новые формы социальной жизни [1]. В новых реалиях запросы человека и общества в целом к государству при производстве социальных благ и услуг меняются: граждане всё отчётливее осознают себя налогоплательщиками, которые финансируют государство, чтобы оно удовлетворяло их нужды, и всё чаще видят в нём не очень добросовестного исполнителя своих запросов [6].

Пенсионная реформа как мера современной социальной политики

Процессы старения и рост числа пожилых неразрывно связаны с вопросом, кто и как будет их содержать, когда они уже не смогут или не захотят работать. Причем этот вопрос стоит не только в России, но в самых успешных социальных государствах [24]. В условиях старения населения рано или поздно возникает острая необходимость либо в повышении пенсионного возраста, чтобы искусственно увеличить численность занятых в экономике, либо в повышении ставки страховых взносов [25]. Однако в России значительная часть экономики находится «в тени», т.е. социальные отчисления с «теневых» предприятий не собираются. В такой ситуации повышать ставку взносов бесполезно, важнее «отбелить» ушедшие «в тень» предприятия. Но для этого нужно повысить доверие к государству, которое само не дает для этого ос-

нований. Поэтому одним из самых популярных способов адаптации социальной политики к старению населения в большинстве стран является изменение параметров пенсионной системы (а именно увеличение трудового стажа или возраста выхода на пенсию).

При проведении пенсионной реформы наиболее актуальны проблемы состояния здоровья населения пенсионного возраста, а также обеспечения рабочими местами представителей старшего поколения.

Ряд исследователей отмечает, что российское население характеризуется плохим состоянием здоровья и с достижением пенсионного возраста происходит утрата его работоспособности [26; 27]. Другие авторы, напротив, доказывают, что реальный мотив негативного отношения населения к повышению пенсионного возраста — не состояние здоровья и усталость, а возможность раннего начала периода «двойных выплат» — пенсии и заработной платы одновременно [28].

Данные опросов подтверждают ухудшение субъективных оценок собственного здоровья в пожилом возрасте. Если в период с 50 по 59 лет каждый шестой житель Вологодской области оценивает свое здоровье как плохое или очень плохое, то среди лиц старше 60 лет подобного мнения придерживается уже каждый четвертый (табл. 2).

Представители старших возрастных групп чаще говорят о своих болезнях и недомоганиях. Но насколько это влияет на сохранение способности к трудовой деятельности, значимы ли при этом различия с населением региона? Недомогания в виде травм, головных болей, общей слабости, обострения хронических болезней, быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или без лечения, испытывают ежемесячно 34% пожилых в воз-

Таблица 2. Субъективные оценки состояния здоровья населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Показатели	50–59 лет	Старше 60 лет	В целом население области
1. Очень хорошее	6	5	7
2. Довольно хорошее	16	18	31
3. Удовлетворительное	62	52	50
4. Плохое	15	24	12
5. Очень плохое	1	1	0

Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.

расте от 50 до 59 лет (для сравнения данные по населению области – 28%; табл. 3). Ежемесячно 5% пожилых возрастной группы 50–59 лет, как и всё население региона, подвержено болезням, приводящим к потере способности работать на производстве, но не лишаящим возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу. В более старших возрастных группах эта цифра увеличивается до 14%. Полученные данные показывают, что более половины пожилых могут продолжать трудиться после 60 лет, уходя на больничный раз в год или реже. В «младших» возрастных группах доля таковых еще выше – 68%.

Таким образом, состояние здоровья не является для многих сегодняшних пенсионеров препятствием для продолжения трудовой деятельности. Напротив, все больше исследований подтверждают, что уход на пенсию оказывается вреден для здоровья и приближает смерть [29; 30]. Отмечается также ухудшение когнитивных функций пожилых после ухода на пенсию [31], правда, в России сопостави-

мых исследований нет, слишком велика уверенность, что старение равно неизлечимой болезни.

Второй важнейший аспект повышения пенсионного возраста связан с актуальностью роста экономической активности пожилых. В Стратегии 2016 г. отмечается, что, исходя из общей тенденции старения населения в России и сокращения трудовых ресурсов, с каждым годом будет нарастать потребность экономики в использовании труда граждан старшего поколения. Вместе с тем проблема обеспечения их занятости до конца не решена, в том числе в части наличия негативных стереотипов в отношении трудоустройства указанной категории граждан среди работодателей и в обществе в целом.

Кроме того, нельзя не учитывать, что повышение пенсионного возраста совсем не обязательно приведет к увеличению занятости. Те, кто хочет работать, продолжают работать независимо ни от каких решений государства в реформировании пенсионной системы. Например, по данным социологического опроса

Таблица 3. Субъективные оценки тяжести и продолжительности заболеваний населения Вологодской области (в % от числа опрошенных, N=1500)

Вид заболевания (недомогания)	50–59 лет	Старше 60 лет	Население области
<i>1. Недомогания (головные боли, общая слабость, обострения хронических болезней, травм, ран и т.д.), быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или сами по себе</i>			
– Почти ежемесячно	34	44	28
– Несколько раз в год	36	31	33
– Раз в год и реже	27	17	28
– Никогда	7	9	11
<i>2. Недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа</i>			
– Почти ежемесячно	23	28	16
– Несколько раз в год	41	38	32
– Раз в год и реже	27	22	31
– Никогда	9	12	21
<i>3. Болезни, приводящие к потере способности работать на производстве, учиться и т.д., но не лишаящие возможности заниматься самообслуживанием, делать домашние дела, готовить пищу и т.д.</i>			
– Почти ежемесячно	5	14	5
– Несколько раз в год	28	29	19
– Раз в год и реже	42	30	34
– Никогда	26	27	42
<i>4. Болезни, приковывающие к домашней постели, приводящие к полной потере способности ухода за собой; требуется обслуживание со стороны других людей, лечение в стационаре</i>			
– Почти ежемесячно	3	2	2
– Несколько раз в год	8	14	5
– Раз в год и реже	24	27	34
– Никогда	65	55	42
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2018 г.			

Таблица 4. Мнение населения Вологодской области о продолжении трудовой деятельности после выхода на пенсию (в % от числа опрошенных, N=1500)

Возрастные группы	Ответ на вопрос «Если бы это зависело только от Вас, то Вы бы прекратили или продолжили работать по достижении пенсионного возраста?»		
	Продолжил(а) бы работать	Прекратил(а) бы работать	Затрудняюсь ответить
18...29	19,5	28,2	52,3
30...39	24,0	34,7	41,3
40...49	24,6	40,7	34,7
50...59	29,1	45,7	25,2
60 лет и старше	27,5	43,7	28,9
Область	25,1	38,7	36,3

Источник: данные социологического измерения ВолНЦ РАН, 2018 г.

ВолНЦ РАН, четверть респондентов (25%) отметили, что, если бы это зависло от них, продолжили бы работать по достижении пенсионного возраста, доля противоположных ответов составила 39%; немалой является и доля тех, кто затруднились с ответом – 36% (табл. 4). Примечательно, что почти 30% респондентов старшей возрастной группы (60 лет и более) готовы продолжить трудовую деятельность.

В то же время для людей предпенсионного возраста главным мотивом работать на пенсии выступает «потребность в дополнительном заработке» (84%), а наиболее актуальная проблема нынешних пенсионеров – «малый размер пенсий» (68%) [32]. Но следует ли из вышесказанного, что относительно высокий уровень занятости старшего поколения часто определяется экономическими мотивами или это самый простой и привычный аргумент? Верно ли утверждение, что среди работающих пенсионеров высока доля «вынужденно» работающих из-за низкого уровня пенсий, или работа дает пожилым еще какие-то смыслы, о которых надо спрашивать подробнее?

При сопоставлении мнений людей, уже достигших или ещё не достигших пенсионного возраста, можно также заметить, что «вынужденность» заметно спрямляет мотивы продолжения занятости. Пока люди не столкнулись с нарастающим социальным исключением пенсионеров, не обнаружили, что им зачастую нечем себя занять, им представляется, что главная проблема – низкая пенсия. Если дети и внуки уехали в большие города, это особенно травматично. Окажется, что «времени больше, чем жизни», особенно если нет привычки читать книги, ходить в библиотеку и, в конце концов, нет навыков владения компьютером и интерне-

том, которые всегда есть в библиотеках. Ведь пожилые люди привыкли работать на одном месте, в одном коллективе, к тому, что их друзья – это сослуживцы и соседи и т.п. Занятость обеспечивала не только доход, но и общение, дружбу, взаимопомощь.

Социальное обслуживание пожилых людей

Пенсионный возраст сам по себе не означает, что достигший его человек стал пожилым, а не только имеющим право на пенсионную выплату. В мире социально-экономических, а не медицинских индикаторов старения остается вопрос о том, что именно показывает начало старения: отказ от занятости или от сексуальной жизни, снижение интереса к окружающим или безразличие к самому себе? Уход за собой для многих пожилых не осознается как «инвестиция, которая всегда себя окупит»⁷. Поэтому многие пожилые, даже женщины, перестают следить за собой, регулярно мыться, одеваться аккуратно и со вкусом, исходя из того что «мне это уже не нужно», «кому я могу быть интересна?» У молодежи часто вызывает отторжение именно неопрятность, появление «запаха старости» [33].

В законах о социальном обслуживании положение пожилых связывалось в первую очередь с неспособностью к самостоятельному выходу из «трудной жизненной ситуации», к самообеспечению и самообслуживанию. Акцент на других потребностях и проблемах пожилых людей не делался, хотя можно видеть, что многие из них (социальная эксклюзия,

⁷ Уход за собой – это инвестиция, которая всегда себя окупит. URL: <http://www.forbes.ru/brandvoice/emc/349297-uhod-za-soboy-eto-investiciya-kotoryaya-vsegda-sebya-okupit>. (дата обращения: 28.10.2018).

одинокость, малообеспеченность и т.д.) могут ухудшать положение пожилого человека. При этом способность/неспособность к самообслуживанию так и не нашла отражения в системе индикаторов оценки для необходимого обслуживания, осталась обобщенной характеристикой всей совокупности пожилых. По отношению к людям 60 лет признание любой неспособности выглядит дискриминационно. Даже обслуживание людей 80+ нуждается в оценке степени утраты их способности к самообслуживанию.

Неправомерно приравнивать способность к самообслуживанию к способности к самообеспечению, через установление возраста права на обслуживание одинакового с пенсионным. Несмотря на существующие разработки, индикаторы оценки степени утраты способности к самообслуживанию так и не были приняты. Важно отметить, что декларированная ФЗ № 442 необходимость восприятия пожилых клиентов социальных служб как покупателей и потребителей меняет логику социального обслуживания⁸. С одной стороны, номинация «клиент» подчеркивает зависимый от государственной помощи статус получателя, его пассивную роль в этом процессе. Сами клиенты видели в социальной работе только обязанности по отношению к ним, тогда как вопрос ответственности за свое положение и за получаемую помощь даже не ставился. Развитие рынка услуг, с другой стороны, заставляет поставщиков навязывать определенные услуги, хотя и внесенные в Перечень услуг, но не всегда нужные опытному покупателю и потребителю.

Закон также ведет к отказу от государственной монополии в производстве и финансировании услуг [34]. В «Стратегии действий в отношении...» указывается на нарастание необходимости привлечения общественности к организации различных форм заботы о гражданах старшего поколения. Как справедливо заметили И.В. Мерсиянова и Л.И. Якобсон, на практике лидерство НКО наблюдается в тех секторах, где особенно затруднен внешний формальный контроль и приходится полагаться

⁸ Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 19.05.2019)

на совесть людей, их личную преданность делу [6]. Как раз к такому сектору относится уход за пожилыми людьми. Важнейшим инструментом ресурсного обеспечения НКО в решении социальных проблем, в том числе и в отношении пенсионеров, со стороны государства выступают грантовая поддержка или государственные субсидии. Для этого в законодательстве появилось понятие «социально ориентированных НКО»⁹, которые рассматриваются как приоритетные адресаты государственных субсидий и Президентских грантов НКО [35].

В результате контент-анализа материалов вебсайта Фонда президентских грантов (который выступает ключевым источником финансирования социальных проектов НКО) выявлено, что по итогам второго конкурса 2018 г. по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» всего по стране было выделено свыше 580 млн руб., из них только 9% направлено на реализацию проектов в отношении пожилых граждан (табл. 5). Проекты по решению проблем пожилых людей, поддержанные Фондом, представлены в большей степени в Северо-Западном федеральном округе (15% от общей суммы одобренных проектов), в наименьшей – в Приволжском федеральном округе (5%); в Северо-Кавказском федеральном округе подобные проекты-победители отсутствуют. Таким образом, обозначена как территориальная неравномерность развития сектора деятельности НКО, нацеленного на решение социальных проблем граждан старшего возраста, так и диспропорциональность поддержки, когда доля пожилых в структуре всего населения составляет 25%, а число поддержанных проектов для пожилых – 9%.

По данным второго конкурса 2018 г. Фонда президентских грантов, в среднем по стране сумма поддержанных проектов в отношении пожилых составила 1 309 руб. на тысячу человек старше трудоспособного возраста. Лидером по показателю является СЗФО (4 092,9 руб.), аутсайдерами – Приволжский и Южный федеральные округа (561,5 и 811,2 руб. соответственно; рис. 2). Очевидно, что в России развитие

⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций: Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ.

Таблица 5. Государственная поддержка Фондом президентских грантов некоммерческих организаций по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита граждан» (проекты-победители по итогам второго конкурса 2018 г.)

Федеральный округ	Всего проектов, руб.	Из них проектов в отношении пожилых людей, руб.	Доля проектов в отношении пожилых людей в общем числе поддержанных заявок, в %
Центральный	233 002 662,4	14 234 090,0	6,1
Северо-Западный	102 159 329,6	15 187 622,1	14,9
Южный	31 832 622,8	3 553 634,8	11,2
Северо-Кавказский	-	-	-
Приволжский	95 353 512,3	4 354 432,0	4,6
Уральский	38 433 204,5	4 768 252,7	12,4
Сибирский	64 456 036,3	7 021 049,8	10,9
Дальневосточный	17 375 063,3	1 838 330,0	10,6
РФ	582 612 431,3	50 957 411,4	8,7

Источники: Вебсайт Фонда президентских грантов. – URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 03.06. 2019 г.); рассчитано авторами.

Рис. 2. Проекты-победители НКО по итогам второго конкурса 2018 г. Фонда президентских грантов по направлению «Социальное обслуживание, социальная поддержка и защита пожилых граждан» (в руб. на 1000 лиц старше трудоспособного возраста)

Источники: Вебсайт Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/about> (дата обращения: 03.06. 2019 г.); рассчитано авторами.

социальных проектов НКО, целевой группой которых являются люди старшего возраста, несмотря на свою актуальность и востребованность, находится на недостаточном уровне и требует совместных усилий со стороны государства и некоммерческого сектора.

Анализ данных о проектах-победителях Фонда президентских грантов, а также официальных групп некоммерческих организаций в социальной сети «В контакте» позволил выявить основные направления деятельности общественного сектора в решении проблем населения пенсионного возраста:

- организация активного досуга пожилых граждан (культурно-развлекательные мероприятия, творческая самодеятельность, туротеропия — туристские и экскурсионные виды деятельности);

- формирование у пожилых здорового образа жизни (консультации по правильному питанию; занятия физкультурой и спортом, рекомендации визажиста, стилиста и косметолога);

- развитие навыков и знаний в области информационных технологий (компьютерная и финансовая грамотность), обучение ручному мастерству (кройка и шитье, плетение, вязание и др.);

- поддержание основ безопасности жизнедеятельности людей старшего возраста (например, профилактика мошенничества);

- адаптация и социокультурная реабилитации пожилых людей, находящихся на попечении социальных учреждений.

В ходе исследования выявлена отличительная черта большей части проектов — это не только организация разнообразных форм социально-культурных мероприятий для людей пожилого возраста, но и привлечение волонтеров из числа добровольцев «серебряного возраста», например для сопровождения инвалидов, социальной активизации маломобильных пожилых, участия в мероприятиях по социализации детей-сирот и т.д. Однако серьезной аналитики результатов «привлечения пожилых волонтеров» пока что нет.

Таким образом, деятельность НКО и инициативных групп направлена как на досуг, так и на создание условий для занятости и самозанятости старшего поколения, повышение его

общественной активности путем вовлечения в социально значимую деятельность, формирование позитивного образа пенсионера как активного члена общества. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на недостаточный уровень развития в России социальных проектов НКО в решении проблем пожилых, о чем свидетельствуют, в том числе, низкие оценки населения [36, с. 29-38], — важно видеть и успешные практики, которых на сегодняшний день не так уж и мало. В современных российских реалиях необходимо дальнейшее развитие конструктивного взаимодействия государства и общественности при реализации социальной политики в условиях старения населения.

Заключение

Обновление социальной политики в условиях старения населения чрезвычайно важно, поскольку речь идет о внедрении принципа самоответственности, максимального сохранения финансовой независимости, самостоятельности и способности к самообслуживанию пожилых людей. В определении перспектив развития страны динамику роста численности пожилых нужно соотносить не со снижением рождаемости, а с состоянием и тенденциями рынка труда и занятости населения. Но мотивация самих пожилых на отсроченное старение не менее важна, чем забота о них. Однако для России такой подход — это всё ещё далекое будущее. Патернализм и надежды на государство сохраняются, поскольку в сегодняшних условиях не происходит компенсаторный рост мелкого бизнеса, самозанятости и негосударственного сектора социальных услуг.

В целом пенсионная реформа, новые формы занятости, предиктивная забота о здоровье и реабилитационная медицина сделают более определенным ответ на вопросы о необходимости повышения пенсионного возраста и качестве жизни пожилых в России. Активное долголетие предполагает не только усилия государства по улучшению здоровья или качества жизни, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных траекторий.

Как установки общества, так и его граждан пока сохраняют оттенок привычного тезиса: «Пенсия — время отдыха», когда за качество

жизни пенсионеров отвечает государство, общество, близкие люди, но не сами пожилые. В то же время исследования показывают, что сегодня среди тех, кто старше 60 лет, достаточно много людей, которые могут быть вовлечены в общественно значимую деятельность, которым состояние здоровья позволяет быть активными членами общества, его «ресурсом». Как выявили исследования, российские пенсионеры обладают огромными временными ресурсами, но эту энергию необходимо деликатно направлять в нужное русло.

Итак, в условиях старения населения нами видятся следующие направления в обновлении социальной политики:

1. Государство должно более взвешенно осматривать в СМИ перспективы развития страны. Динамику роста числа пожилых нужно соотносить не только со снижением рождаемости, а с состоянием и тенденциями рынка труда и занятости населения.

2. Использовать возможности государственного телевидения для мотивации продолжения занятости гражданами, достигшими пенсионного возраста, увеличения занятости за счет неполных, гибких, дистанционных форм, самозанятости и т.п. Стремление самих пожилых к отсроченному старению не менее важно, чем забота государства о них.

3. Вместо введения санкций для работодателей за увольнение предпенсионеров и пенсионеров, государству стоит подумать над налого-

выми льготами для них в случае сохранения занятости пенсионеров. Не нужно также преследовать неформально занятых и пытаться обложить их налогами. Любое самообеспечение пожилых, разумеется, кроме криминального, необходимо поддерживать.

4. Следует объяснять всем возрастным группам, начиная с молодежи, что за качество жизни в значительной мере люди отвечают сами. Особенно же активное долголетие предполагает не только усилия по улучшению здоровья или качества жизни, но и заинтересованное участие самих пожилых в построении своих жизненных траекторий и сохранении независимости.

5. Государственная монополия на производство социальных услуг должна смениться активным участием бизнеса и НКО в различных формах обслуживания с участием самих пожилых как волонтеров. Если пожилые не будут вовлечены в решение хотя бы собственных проблем или проблем мест своего проживания, все разговоры о них как о ресурсе будут впускать, и ресурс не будет использован.

6. Нужно развивать разные формы кооперации пожилых — с другими организациями, церковными общинами, государственными ведомствами, властями. Это будет способствовать созданию активного социального поля, оживлению в области альтернативной социальной работы, психологической ревитализации пожилых.

Литература

1. Григорьева И.А. 100 лет социальной политики в России // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 497–515. DOI: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-497-514>
2. Баркер Р. Словарь социальной работы: пер. с англ. М.: Институт социальной работы, 1994. 645 с.
3. Тихонова Н.Е. Социальные вызовы в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2. С. 5–18. DOI 10.31857/S086904990004334-9
4. Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е. Социальная политика: есть ли альтернатива // Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 443–461.
5. Esping-Andersen G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton University Press, 1990. 260 p.
6. Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 2. С. 5–25.
7. Якимец В.Н. Межсекторное социальное партнерство (государство — бизнес — некоммерческие организации). М.: ГУУ, 2002. 80 с.

8. Василенок Н.А., Полищук Л.И., Шагалов И.Л. Общественно-государственное партнерство: теория и российские практики // *Общественные науки и современность*. 2019. № 2. С. 35–42. DOI 10.31857/S086904990004392-3
9. Salamon L.M., Toepler S. Government–nonprofit cooperation: anomaly or necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2015, vol. 26, no. 6, pp. 2155–2177.
10. Ostrom E., Parks R., Whitaker G. *Patterns of Metropolitan Policing*. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1978.
11. Зеликова Ю.А. *Стареющая Европа: демография, политика, социология*. – СПб.: Норма, 2014. 224 с.
12. Черешнев В.А., Чистова Е.В. Выявление региональных особенностей старения населения России // *Экономический анализ: теория и практика*. 2017. Т. 16. № 12. С. 2206–2223.
13. Пономарева Н.Н. Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира // *Электронный журнал «Вестник Новосибирского государственного педагогического университета»*. 2013. № 6 (16).
14. Капелюшников Р. Феномен старения населения: экономические эффекты // *Экономическая политика*. 2019. Т. 14. № 2. С. 8–63. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-2-8-63
15. Cumming E., Henry W. *Growing Old*. New York: Basic Books, 1961. 293 p.
16. Rose A.M. The subculture of the aging: A framework for research in social gerontology. In A.M. Rose & S.S. Robin (Eds.). *Older people and their social worlds*. Philadelphia: F.A. Davis Company, 1965. pp. 3–16.
17. Havighurst R.J. Successful aging. *The Gerontologist*, 1961, vol. 1 (1), pp. 8–13. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/1.1.8>
18. Lemon B.W., Bengtson V.L., Petersen J.A. An exploration of the activity theory of aging: activity types and life expectation among in-movers to a retirement community. *Journal of Gerontology*, 1972, vol. 27(4), pp. 511–523. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronj/27.4.511>
19. Atchley R.C. A continuity theory of normal aging. *The Gerontologist*, 1989, vol. 29 (2), pp. 183–190. DOI: <https://doi.org/10.1093/geront/29.2.183>
20. Eggleston K.N., Fuchs V.R. The new demographic transition: most gains in life expectancy now realized late in life. *Journal of Economic Perspectives*, 2012, vol. 26, no. 3, pp. 137–156.
21. Григорьева И.А., Сизова И.Л., Москвина А.Ю. Социальное обслуживание пожилых: реализация Федерального закона № 442 и дальнейшие перспективы // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 4. С. 125–144. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.09>
22. Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., Schmidt A., Vanhuysse P., Zolyomi E. *Active Ageing Index 2012. Concept, Methodology and Final Results, Project: Active Ageing Index (AAI)*. European Centre Vienna, 2013. Available at: www.euro.centre.org/data/aai/1253897823_70974.pdf
23. Варламова М.А., Ермолина А.А., Синявская О.В. Индекс активного долголетия как инструмент оценки политики в отношении пожилых в России // *Материалы совместного научно-практического семинара «Активное долголетие в контексте социальной политики: проблемы измерения»*, 2015. URL: <https://social.hse.ru/news/145390232.html> (дата обращения: 05.02.2017).
24. Velladics K., Henkens K., van Dalen H.P. Do different welfare states engender different policy preferences? Opinions on pension reforms in Eastern and Western Europe. *Ageing and Society*, 2006, vol. 26 (3), pp. 495–521.
25. Барсуков В.Н. К вопросу о повышении пенсионного возраста в России // *Проблемы развития территории*. 2015. № 5 (79). С. 111–124.
26. Аганбегян А. О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте // *ЭКО*. 2015. № 9. С. 144–157.
27. Вишневецкий А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // *Вопросы экономики*. 2012. № 9. С. 88–109.
28. Горлина Ю.М., Ляшок В.Ю., Малевой Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // *Экономическая политика*. 2018. № 1. С. 148–178.

29. Brockmann H., Muller R., Helmert U. Time to retire – time to die? A prospective cohort study of the effects of early retirement on long-term survival. *Social Science & Medicine*, 2009, vol. 69, pp. 160–164;
30. Vamia C., Trichopoulou A., Trichopoulos D. Age at retirement and mortality in a general population sample: the Greek EPIC study. *American Journal of Epidemiology*, 2008, vol. 167 (5), pp. 561–569.
31. Eibich P. Understanding the effect of retirement on health using regression discontinuity design. *SOEP Paper*, 2014, no. 669. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2463240>
32. Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1
33. Рогозин Д.М. Что делать со стареющим телом? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 2. С. 133–164.
34. Климова С.Г. Смыслы и практики разгосударствления социальных услуг // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 48–56.
35. Ivashinenko N., Varyzgina A. Socially oriented NGOs and local communities in a Russian region: ways to build up their relationship. *Laboratorium*, 2017, vol. 3, pp. 82–103.
36. Уханова Ю.В., Косыгина К.Е. Некоммерческий сектор в оценках населения региона: социально-демографический аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. 2019. № 2. С. 29–38.
37. Григорьева И.А., Сизова И.Л. Траектории старения женщин в современной России // Мир России. 2018. Т. 27. № 2. С. 109–135. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-2-109-135

Сведения об авторах

Ирина Андреевна Григорьева – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры, Санкт-Петербургский государственный университет (191024, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Смольный проезд, д. 1/3; e-mail: soc28@yandex.ru)

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Елена Олеговна Смолева – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: riolenas@rambler.ru)

Grigor'eva I.A., Ukhanova Yu.V., Smoleva E.O.

Transformation of Social Policy in Russia in the Context of Population Ageing

Abstract. Modern social policy in Russia is formed under the influence of population ageing. The paper presents our point of view on the current state of Russia's social policy. The relevance of the study is due to the fact that the demographic situation is undergoing inevitable changes and the role of the elderly in socio-economic life is becoming increasingly important. The goal of our work is to investigate the specifics of social policy in Russia in the context of population ageing. The novelty of the work consists in the fact that it dwells upon the capabilities of the social group "elderly" as a social resource. We mainly use the following research methods: analysis of laws and regulations at various levels, analysis of statistical and demographic data and results of sociological surveys conducted by VolRC RAS, and content analysis of website materials. The study was carried out both at the national and regional levels (on the example of the Vologda Oblast). We reveal trends in reorienting Russia's social policy toward a broader interpretation of ageing and application of the concept of active longevity. However, the values of active longevity indices in Russia are low in comparison with European countries. According to sociological surveys, the elderly

population of the region, which includes citizens over 60 years of age, preserves the values of active life, and many today's pensioners do not think their state of health can interfere with their ability to work. We show how interaction between the state, civil society and citizens is developing in modern social policy. We reveal territorial unevenness in the development of the non-profit sector that addresses social problems of older citizens. In the end, we put forward proposals on updating social policy in the country in the context of population ageing.

Key words: ageing, active longevity, employment, social services for the elderly, intersectoral interaction.

Information about the Authors

Irina A. Grigor'eva – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, professor at department, Saint Petersburg State University (1/3, Smolny Proezd, Saint Petersburg, 191024, Russian Federation; e-mail: soc28@yandex.ru)

Yuliya V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Elena O. Smoleva – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: riolenas@ramber.ru)

Статья поступила 24.07.2019.